

Руины

Ты когда-нибудь видел старушку в троллейбусе?
Видеть-то видел, конечно, но вряд ли вглядывался.
Разобраться не пробовал в дум ее ребусе?
В лабиринте души побродить не догадывался?

Загляни, и увидишь святые развалины.
Там давно штукатуркой осыпалось лишнее...
В кучу мусора ценности бывшие свалены,
Пеплом серым осели желанья давнишние.

Только остов, из камешков памяти сложенный...
Наизнанку здесь вывернуто одиночество.
Не украшенный больше ничем, неухоженный
Этот дом. Обескровлено тут, обесточено.

Но укрыться-то негде ей больше... И незачем.
Не нужны ей удобства и прелести бытовые.
В доме — те, кто был спутником, ангелом, светочем.
Пусть для всех они — мертвые, а для нее — живые.

Усмиряя бунт

Хватит о жизни. А что касается той,
другой... Личности безразличной,
что ходит зачем-то наперевес с косою,
дань отдавая символикe архаичной...

Сказать мне нечего, но занесен вопрос,
будто нож: «Быть, или ну его к черту?»
Мозг намозолен мыслью, слышу скулеж желез,
чую, пузырь пустоты вот-вот разорвет аорту.

«Тихо!» — пытаюсь унять свой собственный бунт.
И дело не в страхе, хотя не без этого...
Снова пробую затеряться среди секунд,
Скрыться в буквах, в брызгах чернил фиолетовых,

Настроить наспех крепостей полимерных:
Симулякры из пластика как-то особо пластичны.
Мерки тут так мелки и знакомы трехмерны!
Скажете, мол, не первичны... А что первично?

Портрет

Что в ней нашел, он сам не знал.
В девчонке из ларька напротив...
Лица неправильный овал,
штрихи бровей на полу-взлете.

Глаза без взгляда, словно то,
что было бы его достойно,
не существует. И ничто
их омут не смутит спокойный.

Не знающий улыбки рот,
не тронуты румянцем скулы.
Изящной шеи поворот,
движение плеч, слегка сутулых...

— День добрый! «Camel», как всегда,
И спичек коробок в придачу.
В ответ кивает, мол, да-да,
Протягивает молча сдачу.

— Послушайте, — слетает с губ, —
Я нарисую вас, хотите?
Ох, я, конечно, стар и глуп...
Не слушайте меня. Простите...

* * *

«Куда пропал тот милый дед?
Недели две не появлялся.
Ни дня не жил без сигарет...
Да бог с ним, мне на кой он сдался?»

— Тут вам просили передать...
Из дома, что напротив. Номер
четырнадцать, квартира пять.
— Старик?
— Ну да. Художник... Помер.

Открыла, ахнула... Портрет!
Глядела долго, молчаливо...
Улыбки отразился свет
В глазах. «Выходит, я красива?»

Ну хочешь, у костра со мной погрейся...
 Не смейся.
 И в тихом омуте моем умойся,
 Не бойся.

Позволь к секретным струнам прикоснуться.
 Очнись,
 Взорваться пульсу в огрубевших пальцах
 Скитальца.

Сними замок с забытой моей дверцы
 У сердца.
 Впусти желаний шелковы волокна
 Мне в окна.

Дай мне сгореть дотла и вновь родиться.
 Напиться
 И мертвой и живой воды, вникая
 В суть рая.

Потом укрыть тебя закатом алым,
 Как одеялом.
 И нежностью на нежность на рассвете
 Ответить.

Осень

Фразы — легче мотылька,
 Сшитого из целлофана.
 До щадящего обмана
 Не дотянуты слегка.

Прелый запах октября,
 Прекращенья, угасанья...
 Свертыванье мирозданья
 В катышек «все было зря».

Из беспомощности слов
 Вылупляется молчанье,
 Выявляя некасанье
 Параллельных двух миров.

Мы с тобой — как старый сон.
 Недописанная строчка.
 Непоставленная точка
 В повести «Она и он».

У потухшего окна
 Две фарфоровые чашки.
 Опустевшие бедняжки...
 Ночь бессмысленно нежна...

Прохладный март на ладан дышит.
 Танцуют вальс в окне напротив.
 В вечерней вязкой позолоте
 Застыли облака над крышей.

Собачка в байковой тужурке
 Хозяйку тянет к перекрестку.
 Играют девочки-подростки
 С закатными лучами в жмурки.

Вдруг ощущаешь на ладони
 Суть уходящего момента...
 И видишь: Мебиуса лента
 Вращается на небосклоне...

Берег

Прощайте, мои потери:
 Ожидания, смыслы, шансы,
 Не сложившиеся пасьянсы,
 Не открывшиеся мне двери...

И те города чужие,
 Где следов мне уже не оставить,
 И мои, о которых память, —
 Будто раны порой ножевые.

Прекрасные незнакомцы,
 С которыми я разминулась,
 И те, к чьим рукам прикоснулась,
 Чьих душ приоткрыла оконца,

Дарю вас реки теченью.
 Я сама — лишь реки той берег,
 Промелькнувший попутный скверик,
 На часок вас укрывший сенью.

Я мимо кого-то тоже
 Щепкой мелкой проплыть успела.
 И кого-то чуть-чуть согрела,
 И ранила многих, быть может.

И так же, со мной прощаясь,
 Вы легко, без обид и печали,
 Мне позвольте тихо отчалить,
 У причалов своих оставаясь...